

Вы счастливы,
Татьяна
Аркадьевна?

Алексей ГЕОРГИЕВ

Жены главных режиссеров – категория в театре особая. Слишком велик соблазн загнать своего супруга (а заодно и возглавляемый им театр) под каблук, слишком расслабляет возможность получить всё, согласно статусу, легко и сразу, слишком развращает искаительство со стороны коллег. Далекое не каждая «первая леди труппы» способна пройти это испытание медными трубами без ущерба для себя и окружающих. А уж чтоб взрастить и закалить свой талант до степени полной независимости, добровольно отказаться от тепличных условий процветания, превратиться из Принцессы снова в Золушку и при этом короны не уронить – это и вовсе что-то из области теоретических исключений.

И все же такие исключения, по счастью, случаются. Далекое и ходить не надо – одно из них вот уже два десятилетия с неизменным успехом творит на сцене нашего театра имени Достоевского. Правда, в качестве супруги правящего главрежа народную артистку России Татьяну КАРАТАЕВУ в Новгороде не знали. Однако бывших королей не бывает: она сама по себе уже является вполне убедительным доказательством того, что подлинный талант куда выше и надежнее статуса.

Родилась Татьяна Аркадьевна спустя полтора года после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки там же, неподалеку, на острове Сахалин. Дата рождения тоже запоминающаяся – 19 февраля, день освобождения российского крестьянства от крепостной зависимости. Во младенчестве по-японски бойчее лопотала, чем по-русски, – благодаря своей первой няне Мисати. А детский стишок про черепашку может и сегодня еще на японском прочесть. Впоследствии добрая Мисати жестоко поплатилась за свою лояльность к русским, – соплеменники сожгли ее в топке.

Отец, Аркадий Никифорович – из самарских крестьян, на Сахалине руководил какой-то шахтой, а позже, в Кирове – цементным заводом. Мама, Людмила Федоровна, уроженка Вельска Архангельской области, бросившая журфак в силу обстоятельств еще до войны, занималась в основном канцелярской работой. Неумной тяги к театральным подмосткам, таким образом, генетически ничто не предвещало...

– Генетически может быть, но в школе (это уже в Кирове) я очень активной пионеркой была, участвовала во всем, в чем только можно, – возразила Татьяна Аркадьевна. – А главное, класса с пятого занималась в театральном кружке при ДК Промкооперации. Руководил кружком режиссер кировского телевидения Михаил Наумович Кублановский. Собственно, он и ввел меня за руку в мир театра.

Однажды в газете появилось объявление о наборе студентов в Ростовское театральное училище. Это было среднее учебное заведение, семилетку к тому времени Татьяна Аркадьевна уже окончила, и – с благословения Кублановского – отправилась она в составе группы из пяти кружковцев в Ростов на Дону за профессиональным актерским образованием.

БОРОДЫШКА КОРОТАТАЯ

Из всей пятерки поступила одна она, но окончить училище ей так и не довелось. Пришло известие о кончине отца, мать пребывала в тяжелой депрессии, и только что перешедшей на второй курс Татьяне Аркадьевне пришлось бросить учебу и вернуться в Киров. Забавно, но абсолютно состоявшаяся в профессии народная артистка Каратаева не имеет профессионального образования и по сей день!

В Кирове заботливый Кублановский отвел свою недоучившуюся воспитанницу в местный ТЮЗ. Взяли ее туда даже не во вспомостав (была такая актерская категория в советском театре), а всего лишь в реквизиторский цех. Зато с правом выхода на сцену в массовках, – а ведь сцена-то уже настоящая, профессиональная, тот самый «алтарь в храме Мельпомены»! А вскоре произошло и событие, круто изменившее ее судьбу – как творческую, так и личную: в кировский ТЮЗ приехал защищать диплом выпускник режиссерского отделения Минского театрального института Тенгиз Махарадзе.

– Ставил он сказку «Белоснежка и семь гномов». Актрис не хватало, и мне доверили роль Ромашки – маленькую, но с текстом. Правда, вторым составом меня еще и на роль Королевы распределили, но понятно было, что играть ее я не буду – реально мне светила только Ромашка. И вот передо мной, совсем еще неопытной девочкой, встала весьма непростая задача: убедительно сыграть цветок.

– **И как вы эту задачу решили?**

– Помогла балерина Мария Павловна Пушкина, с которой меня познакомила подруга. Она уже совсем старенькой была – танцевала еще с Анной Павловой! «Не волнуйтесь, деточка, я все вам сделаю», – пообещала она, и действительно сделала. В сущности, она выстроила мне весь пластический рисунок роли: как Ромашка просыпается, распрямляет стебель, раскрывает лепестки...

– **Успех, конечно, был триумфальным?**

– Во всяком случае, после Ромашки меня взяли во вспомостав. А члены комиссии сказали: «Вот же у вас для роли Белоснежки прекрасная девочка!» – чем напрочь испортили мне отношения с исполнительницей роли Белоснежки.

– **Королеву вам, наверное, сыграть не довелось?**

– Довелось, когда основная исполнительница уехала куда-то на сессию. С этой ролью у меня связаны воспоминания о первом моем сценическом ляпе. Помню, выбежала тогда на сцену в длинном платье, споткнулась – и залепила сперепугу: «Ох, уж эти мне коротатые бородышки!» (вместо «бородатые коротышки»). Меня долго потом в театре Коротатой Бородышкой звали.

– **А что Махарадзе?**

– Махарадзе после успешной сдачи диплома назначен был режиссером нашего ТЮЗа. Но еще когда он только первый раз приехал – красивый, с усами, талантливый, ум-

ный – я сразу влюбилась. И он в меня тоже. Но отношения, разумеется, начались у нас не сразу.

– **Какие отношения – вам же только 17 лет было?**

– Каюсь – отношения начались раньше положенного. Но оформили мы их, как по закону и следует, когда мне исполнилось 18. Затем уехали в Грозный: Тенгизу захотелось после ТЮЗа попробовать силы в обычном драматическом театре. Меня, без образования и репертуара, актрисой не взяли, – предложили место директорской секретарши, опять-таки с правом выхода на сцену.

– **Но право это вы реализовали?**

– Не сразу. Только когда в Грозный приехал ученик Товстоногова Игорь Перепелкин – тоже диплом защищать. Ставил он «Пузырьки» Хмелика, и пригласил меня на роль Тани Скрипициной. После премьеры меня приняли в труппу, и я еще год там неплохо работала...

Реквизиторша с правом выхода на сцену в Кирове, секретарша в Грозном с тем же правом, – все эти унижительные ограничения каждый раз первым выходом на сцену и отменялись. Господа недоброжелатели артистки Каратаевой (если таковые имеются) – мой вам совет: не желаете Татьяне Аркадьевне успеха – не выпускайте ее на сцену *в первый раз!* Потому что даже в самом негодном спектакле, в самой невыигрышной роли она всё равно будет настолько убедительной, заразной и яркой, что вслед за первой ролью неизбежно последует вторая, третья и так далее. Не пустить ее на сцену еще можно, а вот убрать оттуда уже вряд ли получится. Впрочем, удачи в этом черном деле мы не желаем никому. А если вредные для нее «полезные советы» и даем, то лишь в полной уверенности, что отнять Каратаеву у новгородской сцены теперь уже никому не под силу.

ДЛЯ ЖЕНЫ НЕДУРНО!

Челябинск стал для них обоим территорией взлета. Режиссер Тенгиз Александрович Махарадзе обрел всесоюзную известность именно как художественный руководитель челябинского Театра юного зрителя. Актриса Татьяна Аркадьевна Каратаева сформировалась и состоялась в том же театре. Там она получила первое свое почетное звание, – а стать заслуженной артисткой в Советском Союзе (да еще и в провинции, да в 35 лет!) было ой как непросто. Там у нее родился сын Вахтанг, голос которого ежедневно звучит сегодня на «Нашем радио». Там же наиграла она и львиную долю, «золотой фонд» своего блестящего репертуара. Хорошо было быть женою главного?

– В привычном понимании «женой главного» я никогда не была. Держала себя скромно, в партии не состояла, на худсоветах не заседала, не претендовала на какую-либо исключительность. Ни в каких закулисных баталиях тоже не участвовала, – да Махарадзе этого бы и не потерпел. Единственной моей привилегией была работа.

– **А разве обилие работы не является для актрисы привилегией?**

– Эту привилегию я заслужила сама и не сразу. Право играть ведущие роли у меня появилось только после моей Машки из спектакля «Эй, ты, здравствуй», которая удостоилась на фестивале диплома первой степени. Да, я получала роли, но ведь я и пахала! Во мне всегда жила установка: я должна так работать, чтоб никто даже и в мыслях не посмел сказать, будто я получила роль только благодаря своему положению. То есть обязана быть лучше всех. И самым дорогим в жизни комплементом для меня до сих пор осталось замечание одного критика: «Для жены главного очень даже недурно!»

– **Но ведь роли вы получали все-таки благодаря ему, главному?**

– Почему же, иногда не благодаря, а даже вопреки, как это было с моей монной Ванной. Однажды на одном из фестивалей меня увидел на сцене замечательный режиссер Феликс Соломонович Берман. Он даже и не понял тогда, что я жена Махарадзе (в программке я значилась под собственной фамилией), но загорелся идеей поставить со мной «Монну Ванну» Метерлинка. Тенгизу почему-то этого не хотелось, он долго отказывал. Но в конце концов авторитет Бермана пересилил, и благодаря ему я сыграла самую свою любимую роль.

– **К званию заслуженной артистки супруг ваш тоже не был причастен?**

– Со званием вообще забавно получилось: мне его дали, а Махарадзе – нет.

– **То есть?..**

– Управление культуры подготовило документы о присвоении звания на трех человек: на Махарадзе, актера Яшу Эверта и на меня (за три последние роли – монну Ванну, Катерину в «Грозе» и Шен Те – Шуи Та в «Добром человеке из Сезуана»). Но на них обоих документы завернули, звание тогда получила одна я. Как мне потом приватно объяснили, причина была в том, что из всей тройки я оказалась единственной носительницей русской фамилии. Впрочем, оба они звания все равно получили, но позже.

– **Кок долго продолжался ваш челябинский период?**

– С 1967 по 1982 год, – 15 лет. Хотя нет, – в середине 1970-х у Махарадзе заболел отец, и мы уехали в Грузию. Поработали сезон в тбилисском ТЮЗе и два – в куйбышевском.

– **И как поработали?**

– Я очень хорошо. В Тбилиси меня даже в театр имени Руставели звали. А Махарадзе, как это ни смешно, не приняли сами грузины, – за то, что на совещаниях он говорил не на грузинском, а на русском.

– **А в Куйбышеве?**

– Там его быстренько скушал Монастырский.

– **Но Монастырский возглавлял драматический театр – какое ему дело до ТЮЗа?**

– Ну и что? Тенгиз, повторяю, был очень талантливым режиссером, о его спектаклях в городе сразу заговорили. А Монастырский, «царь и бог» театрального Куйбышева, не любил, когда хвалили не его, а кого-то другого.

– **И после Куйбышева вы...**

– Вернулись в Челябинск, где спокойно работали еще лет пять...

А лет через пять казавшееся незыблемым семейное и творческое благополучие Татьяны Аркадьевны нежданно-негаданно рухнуло в одночасье, как карточный домик.

КОРОЛЕВА В ИЗГНАНИИ

Не будем вникать в хитросплетения отнюдь не творческих коллизий, вынудивших актрису Каратаеву написать последовательно два заявления: о разводе и об уходе из театра. Оставшись «за бортом», она могла бы продолжить работу диктором на радио (которой занималась параллельно с театром уже давно) или найти иное какое-нибудь спокойное дело. Но актерская природа взяла свое, и заслуженная артистка РСФСР Татьяна Каратаева очертя голову бросилась в самостоятельное странствие по театральной России – в 35 лет одна, без чьей-либо поддержки, без диплома об образовании и без малейшего опыта выживания в неблагоприятной среде. Зато с великолепным репертуаром, с изрядным стажем работы на сцене, при неизменном даровании и

– несмотря на перенесенную нервотрепку – в превосходной творческой форме.

– Ситуация осложнялась тем, что Махарадзе обзвонил всех своих знакомых режиссеров (а это, можно считать, вся театральная провинция) с просьбой не принимать меня на работу. И меня действительно нигде не брали, куда б я ни сунулась.

– **За что ж он вам такую пакость устроил?**

– Это не пакость, – таким образом он надеялся меня вернуть. Ты и не представляешь себе, как трудно грузину примириться с фактом, что не он ушел, а от него ушли!..

Помог режиссер Игорь Перепелкин (тот, что еще в Грозном посодествовал переходу из секретарш в актрисы), порекомендовав безработную заслуженную во Фрунзе. Своим дебютом на киргизской сцене в роли 70-летней старухи впечатление Каратаева произвела ожидаемое – и на труппу, и на руководство. Однако, почуяв сильную соперницу, крепкая и многочисленная женская часть труппы не приняла ее весьма активно – вся и сразу. В такой ситуации шансов без поддержки не было никаких. Наконец и худрук сдался: «Они вас съедят. А если я вас поддержу – съедят сначала меня». Так завершилось первое столкновение Татьяны Аркадьевны с неведомой ей прежде стороной театральной действительности.

Затем был город Семипалатинск, славный своей реликтовой рошей, памятью о ссыльном Достоевском и ядерным полигоном. Здесь столь яростной дамской оппозиции она не встретила – напротив, принята была тепло и дружелюбно. В Семипалатинске проработала четыре сезона, и востребована была нисколько не меньше, чем в Челябинске. Выяснилось вдруг, что для процветания по-настоящему талантливой актрисы особый статус ее мужа не столь уж и обязателен.

Однако и этот невзрачный, но гостеприимный город тоже пришлось оставить, уже по другой причине – экологической.

– Последствия жизни на Сахалине, убившие в итоге моего отца, сказались и на моем здоровье. Я чувствовала себя все хуже и хуже, и в конце концов попала в больницу. После обследования врачи сказали мне: вам здесь жить нельзя, и вообще на юге нежелательно, – лучше всего выбрать для проживания какой-нибудь северный город...

Из северных городов отозвался Новгород – голосом директора театра Олега Юрьевича Козловского.

СВОЙ ГОРОД

– Когда мы в Новгород приехали – обалдели просто. В Семипалатинске всё какое-то серо-желтое, пыльное, песок на зубах скрипит, а здесь – купола, зеленая трава и чистое небо! Вышли было на мост – а мост через Волхов очень похож на мост в Семипалатинске через Иртыш. Говорю: «Толя, представь себе, сейчас на тот берег перейдем – а там Семипалатинск!» Толя потоптался на месте, подумал и решил: «Нет, – давай лучше не пойдем...»

Толя – известный ныне актер новгородского театра Анатолий Устинов, супруг Татьяны Аркадьевны, обретенный ею в послечелябинских скитаниях. В Новгород они прибыли 1 сентября 1987 года. Театр тогда только еще зализывал раны после свирепых междоусобиц середины 1980-х, активно готовился к переезду из Кремля в новое здание, так что 40-летняя актриса невыдающейся фактуры (будь она хоть трижды заслуженной) и ее спутник с зачехленной гитарой за спиной особого внимания поначалу не привлекли. До первой репетиции, – как обычно.

В жизнь нашего театра она вошла мощно, уверенно и совершенно самостоятельно. И вряд ли какой-нибудь муж в должности главного сумел бы обеспечить ей положение прочнее того, что она сама себе обеспечила. Здесь заметно удлинила она свой и без того нескончаемый репертуарный лист, здесь получила звание народной – которое убедительно и подтверждает с тех пор каждым своим спектаклем. Понятно, что любая попытка пересказать словами таинство живого актерского творчества бессмысленна и бесплодна, – известно ведь: сколь «сахар» ни произноси, во рту слаще не станет. Но творчество Каратаевой в описаниях, по счастью, не нуждается, – поскольку живет оно и поныне на новгородских подмостках. Так что лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть.

Заманчиво было бы порассуждать и о многогранности дарований нашей героини. Вспомнить, например, что когда-то была она мастером спорта по спортивной гимнастике и перворазрядницей по гимнастике художественной; что унаследовала от деда-лесника неистребимую любовь к лесу и всему, что с ним связано; что толпой учеников, как Сократ, обросла, что сочинительством стихов весьма продуктивно грешит, и так далее. И все же каждому из нас дан какой-то главный талант – тот самый Дар Божий, который следует непременно в жизни реализовать. Говорят, человек, вовремя угадавший свой талант, счастлив. Вы счастливы, Татьяна Аркадьевна?

– Иногда. И в основном на сцене.

– **А на какой сцене больше – на новгородской или челябинской?**

– Насчет сцены сложный вопрос, а что касается города – всё просто: так хорошо и комфортно, как в Новгороде, мне еще нигде не было. В город я влюбилась навсегда и сразу, и ни в каком другом теперь жить бы не хотела. Кто знает – может, причиной тому новгородские корни моих предков (наш род по маме происходит из-под Архангельска, с исконных новгородских земель). Здесь я ощущаю то, что называют благодатью, здесь чувствую, что я у себя дома. Сюда приезжает мой сын – здесь, в Покровском соборе, я его крестила. И, что очень важно, в Новгороде у меня появилось очень много друзей – настоящих, надежных, близких по духу. Всем этим я теперь сказочно богата.

– **Но новгородский театр – он ведь сегодня не в лучшем состоянии?**

– Не в лучшем состоянии театр сегодня по всей стране, – это болезнь времени. Болезнь, от которой театр непременно излечится. А потом, ведь к нам ходят, нас смотрят, у нас бывают очень интересные спектакли, так что не все еще потеряно. Лично мне новгородская сцена подарила много счастливых мгновений. Подумать только: я в этом театре уже отработала столько же, сколько работала во всех остальных, вместе взятых!..

Минувшей зимой и Татьяна Каратаева, и Анатолий Устинов отметили свои юбилеи, – один за другим, с промежутком в 20 дней. Впереди маячит еще один юбилей, уже общий – 20-летие их пребывания в нашем городе. Мы поздравляем обоих со всеми их датами – и с уже прошедшими, и с грядущими! И приносим Анатолию Александровичу извинения за то, что в этой публикации ему отведено столь скромное место. Но – тут ведь история жены главного, а он является героем хоть и не менее интересной, но все же совсем другой истории.